

МАРИНА ВОРОПАЕВА

НАРОДНАЯ ПЕВИЦА РОССИИ

К 40-летию творческой деятельности Т. Ю. Петровой

Такое звание присвоил заслуженной артистке России Татьяне Юрьевне Петровой ныне покойный Митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн. И здесь же добавил, что своим искусством она “должна не тешить, а утешать людей”. Слова Владыки – и как наставление, и как завет – нашли живой отклик в сердце Татьяны Петровой. Может быть, поэтому, независимо от того, про что она поёт, всегда проникаешься каким-то удивительным чувством доброты, тепла и света, что исходит её душа. Так родилось осознание и самого творчества, его предназначения: “Надо петь так, – говорит певица, – чтобы у человека была радость в душе. Ликование”. Наверное, потому благодарная публика и переполняет всегда концертные залы, в которых она выступает. А поёт Т. Петрова очень красиво и вдохновенно, эмоционально наполненно и всегда глубоко осмысленно. Я не музыковед и поэтому не претендую на детальный анализ её творчества. Мне просто захотелось поделиться теми мыслями и чувствами, что рождаются от соприкосновения с высоким искусством, которым одаривает Татьяна Петрова своих слушателей.

Её творчество неоднородно и развивается как бы в нескольких направлениях: народная и авторская песня, романс и духовные песнопения. И все эти направления в искусстве Т. Петровой равноценны, существуют на равных. Я не имею в виду их количественное соотношение, но, прежде всего, их высокое

художественное качество. И концерты певицы, и записанные ею диски интересны самым подбором работ, раскрывающих и широкий диапазон её вокальных данных, и чистоту стиля каждого исполняемого ею произведения, и многообразие репертуара, в котором А. Гурилёв и А. Варламов, М. Глинка и М. Мусоргский, В. Абаза и П. Булахов, П. Чесноков и С. Прокофьев. А рядом с ними – русская народная песня, которая не только не терется при таком соседстве, но, благодаря высокой исполнительской культуре певицы, раскрывает их чистоту и подлинную красоту. Заезженные, “запетые” и даже порой опошленные песни в её исполнении начинают обретать свой первоизданный, порой драматический характер и глубокий смысл.

У Т. Петровой очень своеобразные отношения с собственным голосом. Её кредо – “голос не надо жалеть, а то зеленится”. Но дело даже не в щадящем режиме. Её голос – это широчайшая палитра разных красок, штрихов, интонаций, приёмов. С лёгкостью и изящной непринуждённостью она снимает их с палитры и мастерски творит тот или иной вокальный образ. Но за этой кажущейся лёгкостью и простотой достаточно ощутим труд, поиск и невероятная требовательность к себе. Однажды найденное решение потом может пересматриваться, уточняться, обретая новые краски и даже новую интерпретацию. В этом смысле репертуар Т. Петровой – не застылый, статичный, а живой, обновляющийся не только новыми работами, но и новизной самой огранки когда-то уже исполненного произведения. Всего два года отделяют, например, друг от друга записи песни “Выхожу один я на дорогу” (сл. М. Лермонтова, муз. Е. Шанина, обр. В. Конакова). И в том, и в другом случае песня спета на высоком профессиональном уровне. С той лишь разницей, что в записи 2006 года певица подчёркивает лирический, созерцательный характер произведения, а в записи 2008 года эта созерцательность приобретает уже драматический настрой.

Сопоставление записей 2006 и 2008 годов уже само по себе интересно, поскольку явно свидетельствует о постоянном поиске, движении, совершенствовании и самой исполнительской культуры певицы. Произведения на диске 2008 года, кроме всего прочего, поражают присущей только большим мастерам строгой художественной дисциплиной, основанной на принципе: всё, что не помогает, – мешает. Но этот принцип не возникает ниоткуда. Его зарождение отчётливо просматривается уже в “Романсах” и “Народных песнях”, записанных двумя годами ранее.

Каждый сотворённый ею художественный образ вдруг захватывает слушателя не только эмоционально, но даже визуально. Своим голосом, исполненным необычайного интонационного богатства и красочного многообразия, она буквально “пишет” вдохновенный пейзажный образ. И вдруг ловишь себя на том, что начинаешь видеть своим внутренним зрением и это “утро туманное”, и “горные вершины”, и “звёзды на небе”. Всего одним лёгким, почти эскизным штрихом она умеет “набросать” даже гриву, что “кудрявится” на ветру.

И совсем другой предстаёт певица в песнях поэта и композитора Владимира Волкова. Как меняется её манера исполнения! Камерность как избранная форма наполняется тем тихим и даже интимным звучанием, в котором раскрывается прикровенный мир души.

А может певица использовать одну и ту же краску для разных произведений и при этом добиться совершенно разных результатов. На одном из своих дисков Татьяна Петрова поёт подряд три произведения: “Выхожу один я на дорогу” (муз. А. Шанина) и два романса А. Варламова: “Горные вершины” и “Белеет парус одинокий”. И в каждом из них на самых верхних нотах голос вдруг неожиданно начинает чуть-чуть дрожать. И первая мысль невольно – слишком высоко взяла! Но на том же самом диске есть запись духовного произведения “Во царствии Твоем помяни нас, Господи” Д. Христовая, безупречно исполненного ею самым высоким женским голосом – дискантом. Такая маэстрия не только сразу снимает возникшие было сомнения по поводу исполнения произведений Варламова и Шанина, но, прежде всего, заставляет задуматься: а почему певица идёт на этот риск? После второго, третьего прослушивания записи начинаешь понимать, что всё здесь продуманно, всё сделано совершенно сознательно. Дрогнувший голос оказывается на поверку знаком глубоко душевного переживания, природа которого каждый раз будет иная. В одном случае оно порождено трепетным состоянием души перед огромностью мироздания. В другом – становится удивительно тонким

проводником темы одиночества, а в третьем – раскрывает страдательное состояние мятущейся души.

Татьяна Юрьевна не жалуется лёгкие пути в достижении цели, поскольку это всегда – скольжение по поверхности. Ей интересны сложные задачи, требующие активизации душевной, интеллектуальной, художественной энергии. Это своеобразие её творчества заявило о себе довольно рано. Ещё в середине 1980-х годов она записала песню Марфы из оперы М. П. Мусоргского “Хованщина”. Причём аккомпанирующий ей квинтет играл в очень популярном на рубеже 1970–1980 годов стиле симфоджаз. Такая осовремененная аранжировка классической музыки, не смущавшая тогда никого, открывала возможность и свободного вокального обращения с самим произведением. Но молодая певица не пошла ни по пути модернизации исполнения, ни по пути классического пения, а предложила более интересное, хотя и более сложное образное решение. Она пошла от истоков. Единственное, что себе позволила певица, это несколько угловатый, так сказать, осовремененный ритм, но сама песня звучит в излюбленном ею замедленном темпе. Освободив вокал от оперности, “ариозности”, но не заигрывая при этом и с фольклором, она воссоздала первообраз, исполненный необычайной красоты, чистоты и подлинности народной мелодии, что так восхитило и вдохновило Мусоргского.

Исполнительская манера Т. Петровой, лишённая прозаичности, приземлённости, всегда окрашена сопереживанием, состраданием своим героям. Т. Петрова вообще любит людей, и потому созданные ею образы всегда наполнены проникновенным, глубоким чувством. Оно и определяет особый, задушевный характер её романса, звучащего у неё как потаённое воспоминание его героев о своём прошлом, в котором пережито и упоение счастьем, и печаль расставаний, и горечь отвергнутой любви. Отсюда эта трогательная, доверительная интонация, что рождается от очень деликатного прикосновения к тончайшим струнам души, тому сокровенному, что хранится в её тайниках. Отсюда же и замедленный темп, который поначалу воспринимаешь с трудом – так он диссонирует с сегодняшними сумасшедшими ритмами жизни. Но постепенно, вслушиваясь в её поэтическое пение, понимаешь, как точно найден этот темп, насколько тонко художественное чутьё певицы. Между тем, немногие музыканты рискуют прибегнуть к нему, поскольку, по мнению одного из крупнейших современных музыковедов, доктора искусствоведения, профессора Московской консерватории В. В. Медушевского, временная протяжённость такого звучания требует своего заполнения: чувствами, размышлениями, ассоциациями и т. д. А если этого нет, то образуется пустота. Вот чего никогда не бывает у Т. Петровой! С большим чувством меры и такта воссоздаёт она то душевное состояние, в которое погружаются её герои в своих воспоминаниях. Воспоминаниях, за которыми – прожитая жизнь, судьба.

Есть в её обширном репертуаре песня “Горница” (муз. А. Морозова, сл. Н. Рубцова). Сюжет, казалось бы, очень простой, незамысловатый. Но за этой внешней ненапрячностью, простотой слога какой-то особой болью отзываются слова поэта о “вымерших пасхальных селах”, о том сне, “что затуманит всё”. Но и композитор Александр Морозов, и сама Татьяна Петрова не усиливают этот драматизм, а воспевают народную одухотворённую красоту русского мира, что созидалась “тысячами безвестных лет”. Сколько поэзии, эстетической выразительности в этих плавных, текучих ритмах, в которых ведёт своё повествование Т. Петрова. Кантилена, протяжная, распевная, исполненная мягкости и нежности, звучит непрерывно, нигде, казалось, не обрываясь. Ощущение целостности, единой музыкальной фразы возникает от того, что уже с первых звуков само исполнение песни, рождённой поэтикой национального мелоса, захватывает тебя всю, целиком. Захватывает своей правдой, своей чистотой и искренностью, настраивая слушателя на какой-то новый, неожиданный лад. И сама песня с её широким дыханием, с удивительно возвышенной интонацией звучит у Т. Петровой уже не как образец народной песни с её спецификой, но как признание в любви к своему, родному – русскому, национальному.

Вот почему хорошо и свободно чувствует она себя, исполняя и собственно народные песни. Но она не растворяется в их фольклорной природе, не стилизует и не иллистрирует её, но даёт своё видение, предлагает своё прочтение, казалось бы, хорошо известных песен и, по сути, открывает их заново, вдыхая в них новую жизнь, пронизанную каким-то удивительным, ин-

туитивным чутьём истины. А она — в своеобразии особой, неповторимой национальной стихии русского народа, характерные, отличительные свойства которой мягкость, женственность, пассивность, созерцательность. Они-то и определили особенности гармонии, мелодичности народной песни, её ритмики, мягкой, протяжной, её задушевности, в которых и любовь, и страдание, и молитва. Своим тонким, абсолютным слухом и услышала Татьяна Петрова это своеобразие музыкального строя народной песни.

Для певичцы, можно сказать, источником вдохновения является, прежде всего, заключённая в песне народная мудрость, облачённая в красоту музыкального гения народа. Может быть, поэтому ей так понятна известная поэтическая строка: “От избытка сердца глаголют уста, такова открытая нам глубина слова”. “Глубина”, выраженная, переданная в песне интонацией, то есть звучанием, наполненным мыслью. Но для Т. Петровой это всегда мысль высокая, одухотворённая. Вот почему певичца оказалась очень близка идея, высказанная замечательным историком музыки В. В. Медушевским, человеком, который в отечественном музыковедении стал первым разрабатывать проблему духовности в музыке. Для Медушевского “интонационность человеческого слова есть отблеск Божьей силы”. Полностью разделяя подобный взгляд, Татьяна Юрьевна считает, что “рассудок, отталкиваясь от фонетического слова, с каким бы усердием ни пытался усвоить его, не способен постичь ни “отблеск”, ни самую “Божью силу”. Лишь любви она доступна, только дух человека, питающийся духом Божиим, обитающим в поющем сердце, раскрыт для Божьей славы. Это своего рода волна в магнитно-силовом поле любви, отдающей сердце небу”. Это глубокое убеждение певичцы. Вот почему народность её искусства определяется не столько репертуаром, сколько способностью придать каждому исполняемому ею произведению ту духовную полноту, которой живёт и творит душа народа. Именно здесь и рождается национальная природа самого искусства Татьяны Петровой.

Она умеет услышать в песне не вообще страдание, а передать безысходную тоску, что переполняет душу женщины, прожившую жизнь с нелюбимым (“Лучинушка”). Певичца находит выражение этой тоски в образе русского плача, стенания, но не в его эмоциональной безудержности, а как намёк, ассоциацию, словно памятуя, что искусство — это всегда “чуть-чуть”. Именно так известный в прошлом педагог Академии художеств П. П. Чистяков наставлял своих учеников: В. И. Сурикова, В. М. Васнецова, В. Д. Поленова, В. А. Серова, М. А. Врубеля... А в песне “Матушка, что во поле пыльно”, выступая сразу в двух ипостасях: матери и дочери, Т. Петрова поёт смятение, нарастающий страх и одновременно всё ещё сохраняющуюся надежду молодой девушки, и вместе с тем охвативший её ужас, когда оказалось, что уже и “образа снимают”. И здесь же — образ матери, которую Т. Петрова поёт грудным, глубоким, насыщенным голосом. Необычайно выразительный, исполненный любви, нежности и успокоения, он заключает в себе и второй план, в котором слышны тревожные ноты. Становясь всё более осязаемым, он раскрывает сложность созданного певичцей образа женщины, которая при всём том знает, почему “во поле пыльно”, но до последней минуты пытается сохранить душевный покой дочери.

Немного сегодня исполнителей, которые, не боясь, включают в свой репертуар прекрасные, очень трогательные, но “опороченные” грубыми, низменными страстями песни. Одна из них — “Шумел камыш”. Т. Петрова не реабилитирует её, а просто, очищая от брутальной накипи, раскрывает и её задушевность, и глубокий смысл. За простотой избранной формы и эмоциональной сдержанностью достаточно ощутима в исполнении певичцы нестерпимая душевная боль и за растоптанную любовь, и за поруганную честь.

При этом она никогда не переступает черты дозволенного и не впадает в натурализм. Ей очень присуще чувство меры, которое известный русский художник Александр Головин называл “высшим искусством”.

Поражает своей стилевой выдержанностью исполнение ею русской народной песни из времён Куликовской битвы “Что горит-горит”. Поднимаясь над событийностью, Татьяна Петрова поёт её как былинное сказание. Не по тексту. По духу! Внешне сдержанное, без ярких эмоциональных всплесков, идущее в размеренном ритме, оно исполнено постепенно нарастающего необычайного внутреннего напряжения. А в самой интонации — какой-то удивительный эпический размах, с которым певичца творит образ жертвенной

любви к Родине. При этом не поминальным звоном по “убитым” и “тяжко раненым” звучит у неё сама песня, а рождает образ-ассоциацию с древнерусской фреской, на которой, словно на церковных стенах, запечатлены те, кто “постоял за Святую Русь”. “Что горит-горит” – не просто очередная творческая удача Народной певицы, а подлинная жемчужина в её богатом репертуаре.

Ещё одна особенность искусства этой замечательной певицы. По сути, любое произведение она исполняет как своеобразный вокальный монолог, как исповедь о пережитом. И каждый раз степень её личного присутствия настолько велика, что невольно воспринимаешь его как доверительное откровение, как факт биографии самой певицы.

Татьяна Петрова почти никогда не судит своих героев, не обличает пороков, в которых они сами признаются. Очень тонко найденной интонацией она их утешает, как бы разделяя с ними их тяжкую долю. Такое сердечное сочувствие, понимание – ещё одна причина почитания таланта Т. Петровой. Публика потому и благодарна ей, поскольку созданные ею образы так жизненны, так узнаваемы и так близки. А ещё, наверное, потому, что она умеет для каждой, казалось бы, чисто житейской ситуации, о которой повествует то или иное произведение, найти свою интонацию, свою эмоциональную “ноту”. Потому и романс, и народная песня в исполнении певицы лишены бытовизма, а в точно найденной художественной форме рождается образ-настроение, образ-состояние.

Незаурядный актёрский талант Татьяны Петровой ярко проявился и в народной песне. И комедия, и драма, и трагедия удаются ей в равной мере. Каждая вещь у Петровой, независимо от жанровой принадлежности, – самоценное, законченное художественное произведение, где своя драматургия, выверенная режиссура и великолепное актёрское мастерство. Это своего рода мини-спектакль. “Одна за всех”, она проигрывает все роли, находя для каждой свой рисунок, свою интонацию, свой характер. Она владеет, по сути, всем спектром вокальных красок: от мягкого, тонкого, почти акварельного “письма” до широкого, густого, пастозного мазка. Именно им она пишет, в частности, необычайно красочную картину песни “Ухарь-купец”. Все задействованные персонажи вырисовываются выпукло. Каждый образ дан объёмно, рельефно. Её герои – не схемы, а живые люди, выписанные сочно и даже порой с балаганным озорством. Но за этой лубочностью, за этим внешним ярмарочным комизмом начинает вдруг слышаться совсем другая – драматическая нота, а вместе с ней возникает новая тема – тема судьбы “дочки-красавицы”, что только утром домой пришла и “полный подол серебра принесла”. Снижая темпо-ритм, Т. Петрова словно задерживает наше внимание на этом фрагменте. Поначалу из чисто человеческого сочувствия рождается и жалость к этой девушке, и обида за неё. Но за всем этим поднимается какая-то новая волна чувств, движимая исконным, народным пониманием нравственности, закон которой переступила “девица-красавица”, прельстившись красотой и серебром заезжего молодца.

Мне вообще кажется, что тема судьбы – это главная тема одухотворённого искусства Татьяны Петровой, которая всегда поёт сердцем, “открытом горé”. Поэтому обращение к духовным песнопениям – естественное движение её души.

Вообще духовные песнопения в исполнении Татьяны Петровой – это отдельная страница её творческой биографии. В репертуаре певицы их немного, но они, на мой взгляд, играют ключевую роль в её творчестве, приводя нас к духовному началу, что так приподнимает созданные ею образы.

Даже сама манера исполнения её при этом претерпевает весьма существенные изменения. Если романс или народную песню Татьяна Петрова поёт, постоянно варьируя тембр, отчего звук обретает и свою динамику, и живость, и красочность, то исполнительская манера духовных песнопений у неё совершенно иная. При сохранении единого тембра меняется лишь высота звука. Как ни странно, но такое пение очень напоминает живописную манеру иконописца, полностью исключая столь характерную для светской живописи светотеневую моделировку. Правило, порождённое евангельским постулатом: “Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы” (1 Ин. 1:5). По той же самой причине это правило остаётся непреложным и для образов Богородицы, святых и вообще для всей церковной иконографии. Но для иконописца во избежание плоскостного изборажения, в частности, самого лика важной остаётся необходимость выстроить объём. Только в отличие от светского художника, воссоздающего объём с помощью живописного богатства светотени, иконо-

писец использует лишь один тон. То высветляя, то затемняя его, он и придаёт изображению необходимую объёмность. Когда слушаешь духовные песнопения в исполнении Татьяны Петровой, то возникает полное ощущение, что она интуитивно владеет этим знанием, поскольку единственное, что она допускает, это смену регистрового звучания голоса. Но, как выясняется, пришла певица к этому, сознавая, что петь духовную музыку так же, как светскую, нельзя. Нужен другой подход, что и позволило ей добиться удивительной новизны и в интерпретации произведения, и в самом характере его образного строя.

В этом отношении очень интересна её работа «Мёртвое поле. Песня невесты» из кантаты С. Прокофьева «Александр Невский». Певица не повторяет ход, однажды найденный ею для песни «Что горит-горит», хотя тема у них довольно общая, но ищет иную трактовку, иное решение образа. В советский период известные оперные певицы – Л. Авдеева, И. Архипова, Е. Образцова – не раз обращались к этому произведению. И уже тогда в своей интерпретации они, исходя из эпического симфонизма Прокофьева, поднимались над повествовательностью и создавали в той или иной вариации собирательный образ Родины, оплакивающей своих погибших воинов. Иной взгляд на данное произведение в ту пору исключался и даже не предполагался.

Подобное видение получило в исполнении Т. Петровой весьма существенную коррекцию Временем. Не нарушая органики поэтического слога В. Луговского и строгой, эмоционально сдержанной музыки С. Прокофьева, вобравшей в себя характер народного плача-причета, Т. Петрова наполняет «Песню невесты» новым содержанием, открывает в ней новый – духовный смысл. Интонационный строй, столь же сдержанный, вторя строгости музыкального рисунка «Песни», приобретает уже не только трагический характер. И дело даже не в необычайно высокой степени обобщения. Возвышенно и проникновенно звучит в исполнении певицы «Песня», звучит как откровение, порождённое религиозным мирозерцанием самой певицы. Отсюда оправданный, сотворённый её вдохновением и верой своеобразный мистериальный характер произведения. А сама невеста вдруг начинает ассоциироваться с образом Богородицы, что идёт «по полю белому, полю мёртовому», что «целует очи мёртвые», что, пренебрегая «красотой земной», которая «скончается», предпочитает мужество и красоту души, отданной «за други своя». Так впервые по-новому зазвучало хорошо известное произведение, зазвучало неожиданно, но убедительно, искренно, одухотворенно.

Мы уже упоминали об исполнении Татьяной Петровой произведения Д. Христова «Во царствии Твоем помяни нас, Господи», которое она поёт на высокой ноте. Обращение к ней продиктовано не желанием показать свои вокальные возможности, но стремлением создать возвышенный образ ангельского пения. И пока слушаешь это необычайно красивое, одухотворённое пение, невольно вспоминаются слова Карла Брюллова, произнесённые им после концерта в Придворной капелле в Петербурге. Потрясённый церковными песнопениями Д. Бортнянского, художник восторженно воскликнул: «Господи! Долго ли ещё мне быть в теле? Когда хотя минутно душа из него вырвется, она в таком блаженстве, так далеко, так высоко... Я слушал Бортнянского, и кругом меня целые сонмы Ангелов и – каких Ангелов!» Нечто подобное или, во всяком случае, очень близкое тому переживаешь, когда слушаешь духовные песнопения в исполнении Татьяны Петровой. Проникаясь её душевным откровением, духовной высотой вокального образа, душа, преисполненная каким-то удивительным светом, – «в таком блаженстве, так далеко, так высоко...»

Именно в духовных песнопениях Т. Петровой начинает особенно явно звучать своего рода исповедальная нота, раскрывая религиозный настрой её собственной души. Поэтому невольно возникает ощущение, что певица как-то по-особому благостно чувствует себя в этой музыке. И слова, которые она поёт, не просто заученный текст, но та самая молитва, что хорошо ей известна, привычно сопутствуя её жизни.

В исполняемом ею сочинении П. Чеснокова «Спаси, Боже, люди Твоя» есть небольшой речитатив, и в том, как пропевает его Татьяна Петрова, слышатся эти нотки её молитвенного чтения на каждый день. Потому её пение и вызывает всегда живой ответный отклик, когда каждое слово, каждая пропетая нота ложатся на душу, творя в ней подлинное чудо просветления. Вот этот чистый – духовный свет и несёт своим искусством Народная певица России Татьяна Петрова.